

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Мок. Комсомолец - 2002 - 4 сент. - с. 2.

В плаще с кровавым подбоем он смотрелся бы великолепно. Жаль. Фильм "Мастер и Маргарита" умер, не успев родиться. А ведь сложно представить себе актера, который мог бы сыграть одиночество вровень с Михаилом Ульяновым. Но в роли Пилата его так никто и не увидел. Как никто и никогда не мог заглянуть за бастионы, сооруженные им вокруг самого себя. Между нами — стол дорогого дерева. И расстояние между нами — огромно. Оно больше обычной отстраненности незнакомых людей. И больше дистанции между большим актером и дотошным журналистом. Эта невидимая преграда — броня, которую не возьмет ни один рентген. Что у него внутри? Кто он: праведник? грешник? Можно только догадываться, всматриваясь в лица его героев. Последняя его работа в картине Егора Кончаловского "Антикиллер" дает возможность увидеть Ульянова по-новому.

— Михаил Александрович, в "Антикиллере" вы, по-моему, впервые предстали перед зрителями в образе вора в законе. Как вам понравилось в воровской шкуре?

— Году в 52-м или в 53-м я уже играл жулика, который обманывает ребятшек и отбирает у них деньги. Но это было в молодости, в самом начале пути — вторая или третья картина. Я знаю некоторых моих товарищей, которые убеждены, что плохих людей играть нехорошо — просто потому, что нехорошо. А я считаю, что моя профессия — скomorошья, поэтому играю и таких, и сяких, и всяких. И Жукова, и Ленина, и бандита...

— Вот-вот. В облике Жукова или Ленина люди вас знают. А тут — такой неожиданный поворот!

— Сейчас-то поспокойнее к этому стали относиться, а раньше если актер играл Ленина, то ему ни в коем разе нельзя было соглашаться на отрицательные роли. Я вот, например, играл Ленина в Театре Вахтангова в спектакле "Человек с ружьем" и параллельно снимался у Владимира Басова в картине "Тишина": не очень большая роль стукача, поганого человека. И разразился целый скандал по поводу того, что я не имею права изображать мерзавца. Я же в образе Ленина на сцену выхожу!.. Думаю, что после картины "Антикиллер" наверняка возникнут претензии. Я пока еще не получаю писем, но уверен, что будут и письма, и слухи: дескать, что вы творите, уважаемый товарищ Ульянов? Вам что — один черт, что играть?! Нет, не один черт. Но как актер вахтанговской театральной школы я имею право на любой образ. Это и есть лицедейство, создание характера. Хотя кого-то я, вероятно, и огорчу, особенно ветеранов войны, которые привыкли видеть в моем лице героя, похожего на Жукова. И после этого играть бандита, "крестного отца", вора в законе — куда ж его затащило-то, бедняжку!.. Да никуда. Моя профессия такая. Мне любопытно было сыграть человека, который потерял почву под ногами, но еще продолжает жить — по другим законам. Понять его законы довольно трудно, если всерьез к ним относиться. Хотя мне лично картина кажется несколько ироничной.

— Режиссер Егор Кончаловский сказал в одном из интервью, что придумал некий ход: молодым артистам сказал, что снимает боевик, и они все играли всерьез. А актерам старшего поколения он преподнес свой замысел как черную комедию, и они добавили ироничный подтекст.

— Лично мне ничего такого не известно, но когда я предложил режиссеру играть под Марлона Брандо — то есть почти шутя, — он согласился сразу. Думаю, что подобное решение и есть единственное возможное, потому что иначе подходить к такой роли сложно. Убить, выстрелить, взорвать, сжечь, зарезать сейчас стало таким повседневным и обычным делом, что играть это так же — всерьез — было бы, с моей точки зрения, наивно. А я уже не могу себе позволить быть наивным. Тут кто-то подчитал, сколько людей убивают в фильме: около 68 жертв в течение часа. То есть дело доходит не до абсурда даже, а уже до какого-то сумасшествия.

— Вы сказали про Марлона Брандо, а многие углядели пародию на Армена Джигарханяна с его Горбатым. Вы стремились добиться такого эффекта?

— Нет. Марлона Брандо я действительно предложил — скрипучий голос, отлично одетый человек, припомаженный, следящий за собой, картины рисующий, уже нахалавший, уже навеившийся и уже уставший. Короче говоря, я никого не копировал. А если и пародировал, то только Марлона Брандо.

— Вы так органично смотрите в роскошных шелковых халатах, будто они для вас — привычный стиль жизни.

— Нет, это всего лишь актерский прием. Я другому живу.

— Как вам работалось с Кончаловским? Кто он для вас — ну, сын знаменитого отца, клипмейкер, мальчик практически. Как вы ощущали себя под его руководством?

— Видите ли, мальчик он довольно умный и опытный, поэтому у него наладилась спокойные и не претендующие ни на что отношения с актерами. Он не считал, что мы знаем все — так же, как не знают всего и они, молодые. Но и я был бы глупцом, если бы начал качать права. Выяснять отношения — кто главнее, кто важнее... — это же смешно.

— Егор явно ориентировался на классику жанра: на ум приходят "Бешеные псы" или "Карты, деньги, два ствола". А вы смотрите такого рода фильмы?

— Только по телевизору, специально не хожу. И, честно говоря, мне они и не нравятся. Я, во-первых, смотрю-то их редко. А во-вторых, все это уже никак не воздействует на меня как на зрителя. Если и воздействует, то только одно — серийность, сериальность, в чем, кстати, я и сам грешен. Но когда актер переходит из серии в серию двадцать—тридцать раз, зритель от него устает. Вот я seriousness недавно в "Самозванце" — 24 серии! А серьезного, драматургического развития-то нет: так, череда событий — быстро приедается и становится скучным.

— Зачем же вы снимались 24 серии, если скучно?

— Нет, работать было в принципе интересно. Но я был очень захват в ритме сериала, как и любой другой актер. Там существуют свои законы, которых я еще не знаю. Я знаю одно: в спектакле ТАК играть нельзя, как я играю там, — до-олго иду, потом до-олго смотрю в окно, минуты каплют, ни хрена не происходит, а зритель сидит и смотрит.

— Играя коммунистов, вам было за кем по-актерски подсматривать — вы многих из них знали. А с криминальным миром вы знакомы?

— Я действительно очень хорошо знал тот слой российской жизни: крупных партийных и хозяйственных работников, с которыми часто встречался, общался по делу — совещания, съезды партии и так далее. С миром, который я изобразил в "Антикиллере", я абсолютно не знаком и никогда не пересекался. У меня о нем чисто литературное представление.

— Общение с сильными мира сего в те времена — что оно вам давало?

— Очень многое. Я знал то, чем они живут не на трибуне, их подтекст, их внутренний мир. Мир, где надо и выполнить задание жизни, и не отстать от нее. Быть человеком, который не только обещает, но и выполняет, по мере возможности, что обещал. Часто одно и другое расплывалось, но теперь-то совсем иная жизнь. Она поломалась так, что иногда даже недоумение возникает: как же так, каких-то 10—15 лет назад абсолютно все было по-другому! Люди иначе общались, разговаривали. Какие-то законы существовали — что не надо говорить, что надо. Сейчас другая задача жизни — деньги. Все стремится заработать, построить какой-то фундамент...

— Вам трудно жить по таким законам?

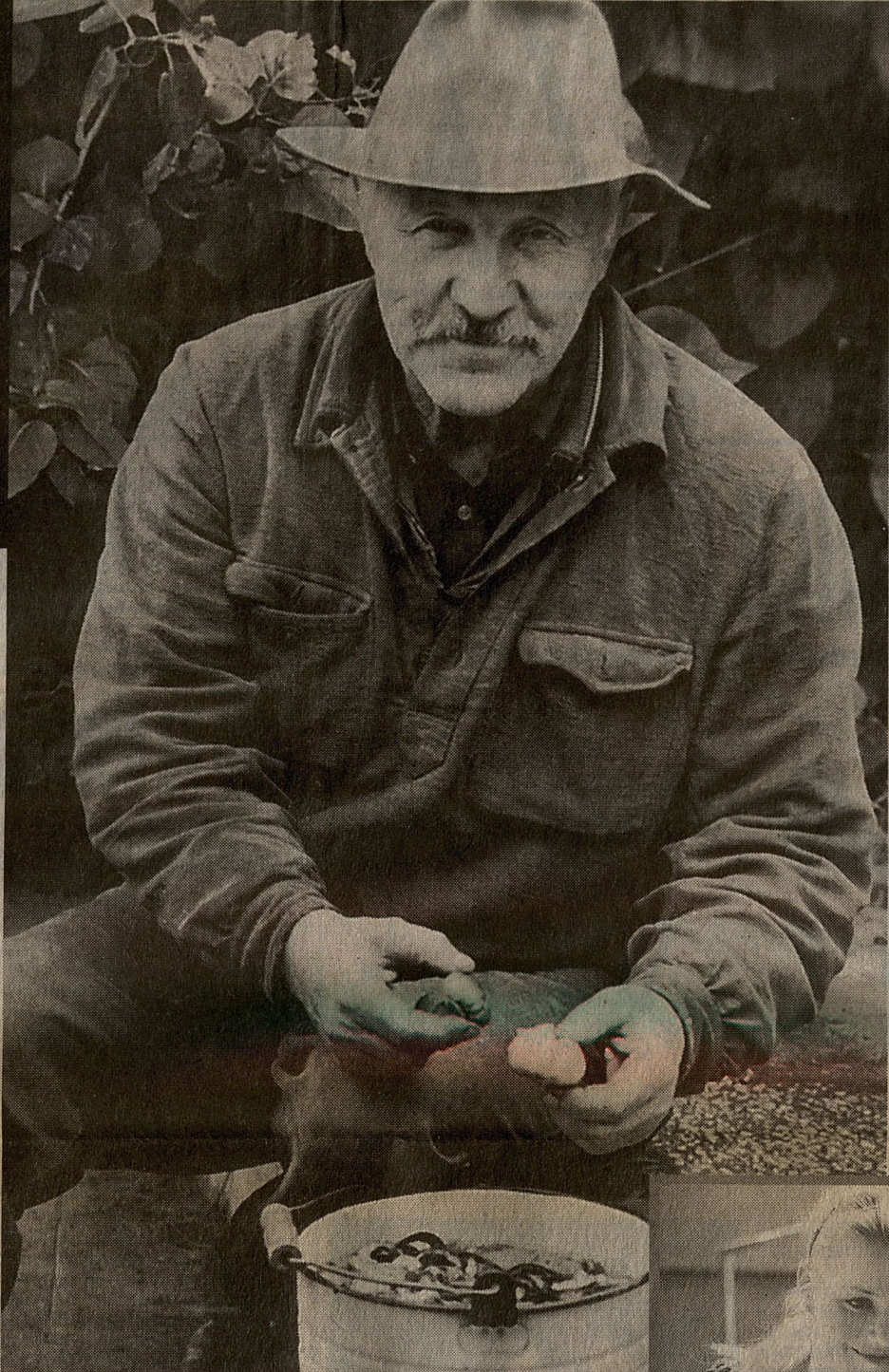
— И да, и нет. Трудно потому, что я несомненный человек, как все мое поколение. У нас молодые ребята, актеры, головастые нас, смелее, хитрее, освобожденнее. Они — непуганое поколение. Мы же — поколение пуганое, мы многого боялись, о многом разговаривали шепотом.

— И вы — пуганный?

— Конечно. Я же не с Луны свалился, я жил в своем времени, той жизнью.

— Чем вас пугали, какие конфликты случались с властью? Вот вы упомянули про скандал из-за роли Ленина...

— Таких уж принципиальных конфликтов с властью у меня не случалось. А тогда просто-напросто Театр Вахтангова должен был ехать на гастроли в Австрию. Екатерина Алексеевна Фурцева перед по-

ВОЗРАСТ ПИЛАТА

Михаил Ульянов:
"Я делаю глупость, но в последний раз"

Вора в законе по кличке Отец в "Антикиллере" Ульянов делал под Марлона Брандо.

АЛЕКСАНДР КОРНЮШЕНКО

Справка "МК". Михаил Ульянов родился 20 ноября 1927 года в селе Бергамак Омской области, закончил Шукинское театральное училище, сыграл несметное количество ролей в кино и театре, активно занимался общественной деятельностью: был депутатом съездов КПСС, секретарем правления Союза кинематографистов, председателем Союза театральных деятелей, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. Руководил Театром имени Вахтангова.

Самые известные роли в кино: "Живые и мертвые", "Председатель", "Блокада", "Частная жизнь" (приз "Золотой лев" МКФ в Венеции), "Битва за Москву", "Дом под звездным небом", "Ворошиловский стрелок".

Жена Алла Парфаняк (бывшая супруга Николая Крючкова) — актриса (именно она сыграла журналистку в фильме "Небесный тихоход"). Дочь Елена — главный художник еженедельника "Собеседник", внучка Лиза учится во ВГИКе на экономическом факультете.

из себя супермена глупо. А изображать человека, который все растерял, тоже глупо. Всего хватает — и того, и другого.

— Тогда вернемся к слабостям ваших героев. Вот, например, генерал Чарнота в "Беге" — потрясающая роль. Между прочим, вы сами в карты играть умеете?

— Очень плохо.

— Как же вы выходили из положения в знаменитой сцене с Евгением Евстигнеевым?

— Просто. Пригласили знатоков-картежников: одного старичка, другого — помоложе немножко. И они нам показывали, как играть в "девятку". Подумай, ничего страшного и ничего особенного здесь нет. Не самолет же водить, а играть в карты. В двадцать одно-то я уже как-нибудь сыграл...

— Вы когда-нибудь имели дело с оружием?

— Ну, постольку-поскольку. На съемочной площадке в частности. А в жизни — никогда, слава богу.

— Война обошла вас стороной или вы встречались с ней лицом к лицу?

— Война никого не обошла стороной. Вы знаете, наверное, что я родом из Сибири, из Омской области, родился в деревне, а вырос в маленьком старинном городке Тара. Когда началась война, мне было 14 лет, а в 16 меня призвали в школу летчиков-истребителей. Произвольно выбрали 200 человек от нашего района, в том числе и меня, хотя по году рождения мы еще не подлежали призыву. А в последний момент там, наверху, почему-то передумали, сказали, что до особого распоряжения мы можем отправляться домой. Потом, когда подошло время и моего призыва, остановилась война. Я ведь 1927 года рождения: 1924—25—26 годы — почти все полегли. А 27-й год уже не призывали. Я был пылинкой в жутком вихре мироздания, именуемом войной. Я был несом этим потоком. И он меня практически вынес, как щепочку.

— У вас есть вредные привычки?

— Нет. (Первый раз за весь разговор Михаил Александрович улыбается. — Авт.)

— Ну, так не бывает!

— Совершенно с вами согласен. Но и рассказывать про свои вредные привычки тоже нелепо. С чего вдруг я буду расхваливаться — о, ребята, глядите, каков я... Вообще с этим кончать надо — интервью давать. Вот ведь странное дело: приходит человек, в первый раз тебя видит и начинает из тебя тянуть душу. И ты вдруг тоже начинаешь что-то говорить, оправдываться, объяснять... Стараешься выглядеть лучше, чем ты есть. Я вижу в этом что-то противоестественное. Вообще актерам не надо ничего про себя рассказывать. Я сейчас делаю глупость, но надеюсь, что в последний раз. (В ноябре у Михаила Александровича грянет 75-летие. Представляю как замучают его журналисты. — Авт.)

— А близкому человеку вы можете излить душу? Другу настоящему?

На общение с внучкой Лизой времени катастрофически не хватает.

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ

— Ну, семье — конечно. Жене. А друг... Был у меня друг замечательный — Юрий Васильевич Качин-Ярцев... Сейчас я, в общем-то, порядочно одинок. Не то чтобы я такой вот Чайльд Гарольд, но я человек замкнутый, поэтому каких-то ближайших друзей... Таких у меня не осталось.

— Вы сказали про одиночество — и следующий вопрос сам напрашивается: Понтий Пилат, которого вы сыграли в "Мастере и Маргарите". Эта роль вам дорога? Вам жалко, что люди ее так не увидели?

— Жалко. Во-первых, потому что такую роль не каждый раз и получишь. Сейчас уж я, наверное, и не смогу играть Понтия Пилата. А может быть, и смогу... Во-вторых, это глубокая драматургия, это Булгаков. Все вместе взятое — и булгаковский текст, и сама история, и философия, и образ Пилата — давало возможность сыграть по-серьезному. Я не знаю, конечно, во что это вылилось...

— Вы тоже не видели фильм?

— Только рабочий материал. Он разный — и хороший есть, и средний. Но тем не менее у меня такое ощущение, что можно было бы сделать, скажем, четырехсерийный телефильм. Потому что сама картина уже, наверное, так и не состоится. Я не знаю всех подробностей того, что с ней произошло, но в итоге она погибла.

— Несколько лет назад я видела ваш бенедикс в Театре Вахтангова. Вы вышли на сцену в образе скomorоха...

— Там был не скomorох, а крестьянин, который выезжал на сцену на телеге с лошастью. Вот и весь скomorошество. Я, наверное, до сих пор и есть крестьянин.

— Вы не смогли стать городским человеком?

— Я уж сейчас и не знаю. Еще не городской, но уже и не крестьянин — а так, серединка наполовинку. Все мы, мое поколение, мучаемся между воспоминаниями своего детства и тем, как живем сейчас. Мы же все, в общем-то, из народа. Сейчас появляется новое поколение — уже город. А мы — "три танкиста" все, правда, разного калибра. Вот как Вася Шукшин: он и не интеллигент, и не крестьянин. Хотя по сути он и крестьянин, и мужик. И философ. И писатель. Вот такое поколение — уходящее...

— Хочу вернуться к скomorошему облику. Вам не кажется, что для такого актера, как вы, этот "колпак" неуместен?

— Какая чепуха!.. Это моя профессия! Профессия, где постигать можно любой поворот человеческих душ, их изнанку, их выворотную сторону. В этом — удивительная сила и удивительные возможности актерства. Ни один физик-химик таких не имеет. Он откроет какую-нибудь малявку — и все. А я могу — ну, если могу, разумеется, — рассказать про людей такое, что содрогнется человек. И отплывет человек. И восхитится человек. Я как скomorох, как актер имею право и возможность рассказать о людях то, что они даже ночью в подушку не говорят. И одно-единственно — то, от чего в душе рождается радость. Но умеют это делать редкие люди. Редкие таланты.

— Какая работа предостит в будущем сезоне, что нового?

— Есть одно предложение: может быть, с Мирозевым буду делать сольный спектакль, почти моно-спектакль. Но все еще на уровне размышлений. В кино пока ничего нового нет. Я недавно снимался в Болгарии, в совместном российско-болгарском проекте, но все остановилось из-за денег. Думаю, вряд ли возобновится. Других предложений пока не поступает. А если и поступают, то куда-нибудь в Алма-Ату или еще дальше лететь нужно. И я отказываюсь.

— Потому что лететь далеко или сценарий плохой?

— Нет, я сценарий и не читал даже. Просто не хочу болтаться. В мои годы мотаться туда-сюда на самолетах — уже сомнительное удовольствие. Я, конечно, не ищу для себя особого комфорта — просто хочу иметь возможность не перегружаться и не рваться. Собственно говоря — для чего? Денег это приносит немного. А еще одна роль? Ну, будет их не пятьдесят, а пятьдесят одна — и что? Уже возраст, и в общем-то немаленький... Пора уметь от чего-то отказываться.

— Вы боитесь возраста?

— Боюсь, конечно. Я боюсь... как бы сказать... отстать от требований. Проще говоря, боюсь окануться на руках у своих близких.

— Вы бессилия боитесь?

— Да. Если оно наступит...

Он замолкает и сумрачно смотрит куда-то внутрь — в глубину того бронированного вагона, в котором живет его душа. Эта пауза дорогого стоит. Эта тишина красноречивее любых слов.

Потом его взгляд возвращается. Он улыбается — во второй раз! — и вежливо говорит: "До свидания".

Катя ПРЯНИК.

Михаил Ульянов делал глупость

7.09.02